

НОВЫЯ КНИГИ

«О Достоевскомъ» сборникъ статей подь редакціей
А. Л. Бема. Прага. 1929 стр.164 — х)

Литература о Достоевскомъ огромна. И тѣмъ не менѣе научное его изученіе только начинается. Поэтому въ тѣхъ специальныхъ областяхъ, которыя до сихъ поръ почти не были затронуты общими обзорами его творчества, каждый день дѣлаются открытія, проливающія на него совершенно новый свѣтъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не привѣтствовать книгу А. Л. Бема, являющуюся результатомъ трудовъ руководимаго имъ семинара по изученію Достоевскаго (при Русскомъ Народномъ Университетѣ въ Прагѣ) и рассматривающую такіе моменты его творчества мимо которыхъ изслѣдователи обыкновенно проходили — совершенно ихъ не замѣлая.

Несмотря на то, что книга составлена изъ отдѣльныхъ статей, несвязанныхъ одной общей мыслью (въ нее вошли только нѣкоторые, немногіе изъ рефератовъ, прочитанныхъ въ семинарѣ за время его четырехлѣтняго существованія) — нѣкоторый общій духъ въ ней можно уловить: это — стремленіе раскрыть внутренніе, символически означенные, моменты мысли Достоевскаго и притомъ преимущественно на основаніи анализа разныхъ его произведеній. Таковы статьи Д. Чижевскаго, Н. Осипова и А. Бема.

Первая изъ нихъ, озаглавленная «Къ проблемѣ двойника» (изъ книгѣ о формализмѣ въ этикѣ) видитъ въ «неудавшейся» повѣсти «Двойникъ» не только эскизъ всего ученія Д. о личности и смыслѣ жизни человѣка, но и основныя черты для построенія философіи конкретнаго персонализма — въ противовѣсъ абстрактному этическому рационализму.

Проблема «двойника», гениально описанная Достоевскимъ съ точки зрѣнія психологіи и психіатріи, на самомъ дѣлѣ имѣетъ у него этико-онтологическій смыслъ. Двойничество есть результатъ разлсженія личности, неукорененной въ абсолютномъ, опирающемся только на голый фактъ своего существованія и вслѣдствіе этого не имѣющей «своего мѣста» въ мірѣ теряющей себя. Такимъ образомъ двойничество яв-

ляется не только болѣзнью души, но діагнозомъ цѣлой духовной установки, самоопроверженіемъ опредѣленной этической и антропологической системы. Это именно и придаетъ ему столь большое значеніе, что тема двойника возвращается почти во всѣхъ произведеніяхъ Д. Мы находимъ ее и въ Бѣсахъ и въ Подросткѣ и въ Братьяхъ Карамазовыхъ. Д. послѣдовательно анализируетъ двойничество съ точки зрѣнія психологіи, социологіи, этики и религіи. Для этого онъ экспериментировалъ надъ людьми разныхъ степеней одаренности (сѣрость Голдкина, тонкость Версилова, сила Ставрогина, умъ Ивана Карамазова) и показываетъ, что въ этическомъ дѣйствованіи существеннымъ и неустранимымъ моментомъ является самъ его конкретный субъектъ, а не только образъ дѣйствованія, оцѣнкой котораго обычно ограничиваются отвлеченныя этическія системы. Этимъ, по мнѣнію, автора все ученіе переносится на совершенно новую почву, ибо формально логическія схемы должны быть замѣнены конкретными живыми людьми. Въ современной философіи эта реформа соотвѣтствуетъ позиціи М. Шелера (противъ Канта). Въ религіозномъ же отношеніи мы необходимо должны пойти дальше и указать на то что онтологически-персоналистическое пониманіе человѣка постулируетъ аскетическую этику въ качествѣ пути и агіографію въ качествѣ достиженія. Здѣсь однако останавливается и самъ Достоевскій, ибо основы аскетической мысли у него только намѣчены, а конкретные образы святости не могутъ считаться вѣрными съ точки зрѣнія какъ агіологии (возраженія на Зосиму со стороны К. Леонтьева), такъ и агіографіи (отношеніе къ Зосимѣ оптинскихъ старцевъ).

Статья Д. Чижевскаго представляетъ собой чрезвычайный интересъ, ибо читаетъ въ твореніяхъ Д. тѣ «идеи», которыми онъ сознательно и бессознательно жилъ и относительно которыхъ всю жизнь боялся, что «ихъ не поймутъ».

Прекраснымъ дополненіемъ темы о Двойникѣ является очеркъ Н. Е. Осипова, давшего его психіатрическую оцѣнку на основаніи методовъ психоанализа. Читая эти «замѣтки» психіатра получаешь впечатлѣніе, что у автора вмѣсто глазъ — микроскопы; ибо каждое слово повѣсти раскрывается для него столь многими смыслами, что обычный на первый взглядъ текстъ превращается въ богатѣйшую психологическую документировку — какъ въ отношеніи героя повѣсти, такъ и ея автора. Специфической особенностью метода Н. Е. Осипова является то, что остроуміе и тонкость психоаналитическаго метода не остаются у него висящими въ воздухѣ, но связываются съ нѣкоторыми метафизическими построеніями (правда недостаточно ясно выраженными) берущими свое начало

въ русской философской традиціи. (Въ трудахъ Пр. С. Булгакова, С. Л. Франка, Н. О. Лоссаго).

Большая статья А. Л. Беме «Драматизація бреда» посвящена другому малоизслѣдованному раннему произведенію Д. — «Хозяйкѣ». Въ тонкомъ анализѣ этой хаотической на первый взглядъ повѣсти, авторъ показываетъ, что въ основѣ ея лежитъ изслѣдованіе той же проблемы подлинной реальности личности, жизненности и конкретности человѣческаго я, могущаго потерять себя въ порывахъ собственнаго воображенія, вытѣсняющаго дѣйствительность и постепенно становящагося на ея мѣсто. Хозяйка — это своеобразный трактатъ о взаимоотношеніяхъ «небыли и были», о реализаціи явленій внутренняго міра во внѣ, о «драматизаціи бреда», которая въ острой формѣ носитъ характеръ психическаго заболѣванія въ болѣе умѣренныхъ степеняхъ свидѣтельствуеетъ о творческомъ характерѣ воображенія, о спонтанности фантазирующей функціи души. Это положеніе проливаетъ совершенно новый свѣтъ на психологію творчества (въ данномъ случаѣ — по схемѣ: Катерина — Ордынъ — Достоевскій), которое часто является проецированіемъ во внѣ бредовыхъ видѣній автора, посредствомъ котораго онъ освобождается отъ ихъ фантазирующаго вліянія. Біографическіе факты соотв.эпохи жизни Д. — не только вполне подтверждаютъ эти мысли, но сами становятся понятными въ ихъ свѣтѣ. Такимъ образомъ устанавливается неразрывность тройственной цѣли отношеній: жизни автора (реальной и воображаемой), фабулы повѣствованія (фактически происходящаго въ повѣсти) и воспріятія дѣйствительности героями, — тѣми фантазмами, которая частью возникаютъ подъ вліяніемъ дѣйствительности, а частью врываются въ нее какъ реальныя творческія силы. —

Статья В. В. Зѣнковскаго «Гоголь и Достоевскій» посвящена тѣмъ же проблемамъ психологіи подсознательнаго и его власти надъ человѣческой жизнью. Двѣ темы, общія Д. и Гоголю, привлекли вниманіе автора: «подполье» (раскрывающееся у Д. какъ моральный хаосъ въ отличіе отъ Гоголя, который видѣлъ въ немъ безудержность душевныхъ силъ, освобожденных очарованіемъ красоты); и значеніе эстетическихъ переживаній, которая въ творчествахъ обоихъ писателей далеко выходятъ за предѣлы психологіи и становятся въ рядъ основныхъ міроустроющихъ и міропреображающихъ силъ (возрожденіе Чичикова и «красота спасетъ міръ») —

И. И. Лапшинъ въ статьяхъ «Какъ сложилась легенда о Вел. Инкв.» и «Образованіе типа Крафта въ Подросткѣ» дѣлаетъ рядъ сопоставленій, которая поражаютъ какъ сво-

имъ содержаніемъ (почти полная идентичность мысли въ случаяхъ, гдѣ врядь ли можно говорить о заимствованіяхъ и вліяніяхъ), такъ и выборомъ матеріала — совершенно неожиданнаго и мало-извѣстнаго. Съ мыслями Д. текстуально сходятся: стихотворныя породіи на католическое духовенство XIII в., О. Контъ, Д. Штраусъ, Монтэнъ, Р. Вагнеръ... Сопоставленія И. И. Лапшина очень интересны въ качествѣ констатированія фактовъ (нечего не доказывающихъ); совокупность же ихъ создаетъ впечатлѣніе нѣкоторой тенденціи въ пониманіи самого Достоевскаго. Вѣра въ Бога какъ основной онтологическій фактъ дуохвной жизни человѣка оказывается съ этой точки зрѣнія не только неосуществленной, но врядь ли даже вообще возможной. И эта мысль приписывается Д., который готовъ былъ «пожертвовать истиной, чтобы остаться со Христомъ»...

Блестяще написанная статья С. В. Завадскаго «Новое опредѣленіе драмы въ свѣтѣ романовъ Достоевскаго» опрокидываетъ обычныя опредѣленія теоріи словесности и устанавливаетъ новыя классификаціонныя формы литературныхъ произведеній. Авторъ дѣлитъ ихъ на «обращенныя къ читателю и обращенныя къ слушателю». Романъ пишется для отсутствующихъ (читателей); драма (въ обычномъ смыслѣ) — для присутствующихъ (созерцающихъ и слушающихъ). Но это нисколько не связано съ содержаніемъ литературнаго произведенія, которое можетъ быть подлинной трагедіей, изложенной въ формѣ романа. Въ этомъ отношеніи Д. заставляетъ насъ пересмотрѣть установленныя литературныя формы и признать, что жизнь искусства — глубже, значительнѣе и интереснѣе, чѣмъ его теорія.

Р. Плетневъ въ статьѣ «Земля» анализируетъ чрезвычайно важное для Д. понятіе «почвы», разносторонне раскрывающееся въ его религіи (Богородица—мать сыра земля), этикѣ (Раскольниковъ согрѣшилъ передъ землей, осквернилъ ее) и социологии (точка зрѣнія почвенничества). По мнѣнію автора, — въ кускахъ земли завязана основа экстатическаго міроощущенія, коренящагося въ любви къ землѣ и рвущагося къ родному ей небу. Интереснѣйшая тема — требующая дальнѣйшей разработки, которая повидимому частично входитъ въ замысль автора въ его работѣ «Природа въ творчествѣ Д.», одною изъ главъ которой является данная статья.

Сказаннаго достаточно, чтобы сдѣлать излишней оцѣнку книги А. Л. Бема. Богатство темъ, новизна точекъ зрѣнія, глубина разработки говорятъ сами за себя и ставятъ эту книгу въ число значительныхъ изслѣдованій о Д. — въ особенности въ отношеніи примѣненныхъ въ ней методовъ. Можно пожелать

только одного: чтобы издание это разошлось какъ можно скорѣе, ибо съ этимъ связана возможность появленія въ свѣтъ II тома этого интереснѣйшаго сборника.

Л. Зандеръ.

Hanns Lilje «Das technische Zeitalter» Zweite, unveränderte Auflage. Furcht-Verlag, Berlin 1928 стр. 175.

Эта небольшая книга выдержала за короткое время второе издание. Въ этомъ несомнѣнный признакъ современности темы. Дѣйствительно, нашъ вѣкъ заслуживаетъ наименованія «техническаго» по преимуществу. Это вѣкъ техническихъ чудесъ и техническихъ трагедій, изъ которыхъ самая страшная — война. Главная заслуга книги Лиле — постановка проблемы трагедіи техники («Die Tragik der Technik»). Трагедія техники здѣсь тѣсно связывается съ героическимъ и фаустовскимъ духомъ, съ тѣмъ, что Лиле вслѣдъ за Шпенглеромъ называетъ «фаустовской опасностью техники» («Die faustische Gefahr der Technik»).

Здѣсь заключено тонкое и острое видѣніе сущности проблемы. Въ самомъ дѣлѣ, хотя Фаустъ — величайшая поэма о современномъ человѣкѣ — написанъ въ эпоху расцвѣтавшаго романтизма, но его символика раскрывается съ наибольшей полнотой лишь въ наше время. Фаустъ есть лишь въ сравнительно малой степени поэма о прошломъ (о переломѣ средневѣковья на порогѣ новаго времени). Въ гораздо большей степени эта поэма является повѣствованіемъ о настоящемъ и гаданіемъ о будущемъ.

Но — «неясень и смутень отвѣтъ». Финалъ второй части явно искусствененъ и представляетъ попытку (быть можетъ бессознательную) отмахнуться отъ иныхъ, страшныхъ видѣній, ничего общаго съ небомъ не имѣющихъ. Фаустовскій духъ техники вѣрно опредѣляется Лиле словами Библии: — «будете, какъ боги» («Eritis sicut Deus» Быт. стр. 3,5) Отсюда — ожесточенная посяторонность, имманентность: «Das Drüben kann nich wenig kümmern». Сознаніе себя образомъ Божества («Wem denn? Ich Ebenbild der Gottheit!») приводитъ Фауста къ человѣкобожеству и имманентизму. Онъ начинаетъ магіей, а кончаетъ техникой. И какой техникой! Въ концѣ второй части передъ нами, несомнѣнно ... попытка выполнить «пятилѣтку». Діалектика исторіи обращаетъ эту послѣдовательность. Новое время началось съ техники и переходитъ къ магіи, къ страшной соціальной магіи. И, начавъ съ матеріализма, человѣчество пришло къ ожесточенному богоборчеству. Лиле правильно отмѣчаетъ, что